

Эти крепкие, рослые мужики исчезли так же стремительно, как и появились. Ся Чэнь еще сидел на занятиях в школе, когда они нагрянули в деревню, а к его возвращению домой от гостей уже и след простыл. Они даже от обеда отказались. Стоило им приехать, как они сразу направились к полям семейства Ся, вырвали с корнем по несколько рисовых кустов с каждого надела и спешно отбыли.

Дун-гээр с горящими глазами расписывал Ся Чэню, какими статными и грозными были те всадники, а от воспоминаний об их могучих скакунах у мальчишки едва ли не слюнки текли. Когда Ся Чэнь вернулся, этот сорванец как раз восседал на старом домашнем быке и, яростно взмахивая ивовым прутом, всю понукал его: «Но-о! Пошел!», пока разгневанный отец не ссадил его точным ударом метлы.

Самого Ся Чэня чужие лошади мало заботили — в прошлой жизни он владел такими роскошными суперкарами, рядом с которыми любой породистый жеребец показался бы блеклым. Его волновало другое: с какими намерениями эти люди забрали образцы высокоурожайного риса и что теперь предпримет власть.

Господин Ся отдал строжайший приказ помалкивать о сегодняшних визитерах, поэтому дома эту тему больше не поднимали. Дун-гэеру и Нань-гэеру также настрого запретили болтать на улице. Ся Цзиньцзы, хоть и был человеком простодушным, прекрасно понимал всю серьезность положения. Потрясая увесистой палкой перед носами сыновей, он доходчиво объяснил: обмолвится кто хоть словом за порогом дома — сразу отведаст отцовского ремня.

Вечером, после ужина, господин Ся позвал Ся Чэня в маленькую рабочую комнату. Младший сын, который весь день изнывал от любопытства, едва за ними закрылась дверь, нетерпеливо спросил:

— Отец, кто эти люди, что приходили сегодня?

Ся Чэнь всегда считал отца обычным отставным солдатом, но, судя по всему, старик скрывал старые связи.

— Помнишь, я рассказывал тебе, как десять лет назад великий генерал Фу Ишань повел войско в стремительный набег и дошел до самой ставки степного хана? — спросил господин Ся.

Ся Чэнь кивнул. Разве можно забыть? Именно в том походе отец изувечил руку и ногу.

Отец часто рассказывал о великом генерале Фу, и тот действительно был легендарным воином. Род Фу испокон веков служил на военном поприще. Как говорится, «ни признанным красавицам, ни славным полководцам не суждено дожить до седин». Мужчины из этой семьи редко умирали в собственных постелях от старости. Из шести братьев генерала в живых остались лишь он сам да покалеченный, лишившийся ноги брат.

Десять лет назад орды кочевников хлынули через границу. Второй и самый младший братья

генерала Фу пали в той жестокой бойне. Когда основные силы сошлись в лобовом столкновении, генерал Фу во главе трех тысяч отборных всадников совершил дерзкий рейд в тыл врага, ворвался в ставку хана и едва не захватил его живьем. В лагере степняков поднялась паника. Решив, что на них обрушилась вся мощь имперской армии, они спешно отозвали передовые отряды назад для защиты тыла.

Войска великой династии Ань устроили засаду на пути возвращающейся конницы степняков. В том сражении они уничтожили десятки тысяч врагов — это была блестящая, оглушительная победа.

После этого поражения престарелый великий хан от пережитого потрясения тяжело заболел и вскоре испустил дух. Его преемники устроили кровавую усобицу за престол, благодаря чему на границах великой династии Ань на несколько лет воцарился долгожданный покой.

Три года назад новоявленный великий хан отправил послов в столицу династии Ань, требуя выдать за него принцессу ради заключения мира. Однако пятый принц Ли Цзэ, ведавший тогда делами Министерства церемоний, прямо на приеме жестко осадил наглецов. А военные во главе с великим генералом Фу во всеуслышание заявили: хотите воевать — мы готовы. Мужчины в нашей империи еще не перевелись, и покупать мир ценой женских слез никто не станет.

Все эти подробности Ся Чэнь узнал не от отца, давно ставшего простым деревенским обывателем, а от наставника Мэна. Сердце юноши замирало от гордости: сильная, гордая империя, готовая постоять за себя, вызывала у него искреннее восхищение.

Последние три года на рубежах по-прежнему было беспокойно. Большой войны не случилось, но мелкие стычки происходили постоянно. К счастью, великий генерал Фу крепко держал оборону, и враги не осмеливались на крупное вторжение.

Но вернемся к главному: Ся Чэнь и подумать не мог, что его отец способен напрямую связаться с людьми из Генеральского поместья!

— Из тех трех тысяч братьев, что ушли с генералом в степь, вернулись живыми меньше двух сотен, — заговорил господин Ся. В его глазах блеснули слезы. — И большинство из нас остались калеками. Когда мы отступили обратно к границе, всех раненых и увечных списали со службы. Генерал тогда лично собрал нас и предложил поехать с ним в Императорскую столицу. У него там много загородных усадеб, он обещал дать нам кров и пропитание до конца дней.

Возможно, видя, как Юаньбао за последние два года изменился, как пошел учиться и вывел чудо-рис, постепенно становясь надежной опорой семьи, господин Ся решил доверить ему семейные тайны:

— Юаньбао, ты никогда не видел своего деда. А ведь наш род Ся когда-то был весьма знатным и богатым в Хэчжоу. Моя бабушка, твоя прабабушка, происходила из благородного клана Яо из

Хэчжоу. Пусть она и принадлежала к боковой ветви, но все же была истинной аристократкой. Твоя тяга к книгам и острый ум — это все ее наследие.

— Позже семья Ся разорилась. Дед скончался в старой усадьбе в Хэчжоу, а бабушка, забрав моего отца, сменила имя и бежала подальше от родных мест. В конце концов они осели здесь, в деревне Цинхэ.

Отец погрузился в воспоминания, на его лице читалась смесь тоски и душевной боли. Ся Чэнь не смел расспрашивать дальше. Ладно прабабушка, но почему дед ушел так рано, а о родной бабушке в семье вообще никогда не упоминали?

Господин Ся тоже решил не беречь старые раны и перешел к следующей части рассказа:

— Когда мне исполнилось девятнадцать, объявили рекрутский набор, и меня угнали в армию. Твоему старшему брату тогда не было и двух лет, а мать носила под сердцем твою старшую сестру. Весь дом лег на ее хрупкие плечи. Если бы не помощь твоих дядьев по материнской линии, им пришлось бы совсем туго.

— Десять лет назад, когда кампания завершилась, генерал спросил о наших планах. Я слишком сильно тосковал по жене и детям, поэтому решил вернуться в родные края. Тем, кто уходил со службы, генерал вручил особые жетоны и сказал, что в случае беды мы всегда можем обратиться к нему за помощью.

Ся Чэнь осенило:

— Так те всадники приехали из Генеральского поместья?

Господин Ся одобрительно кивнул:

— Юаньбао, скажу тебе прямо: этот чудо-рис — слишком лакомый кусок. Нашей семье такую ношу не поднять, да и тебе тоже не под силу. Передав семена генералу Фу, мы снимаем с себя эту заботу. Дальше пусть у них голова болит. А ты...

Ся Чэнь прекрасно понял, к чему ведет отец, и поспешил успокоить его:

— Я все понимаю, отец. Ты заботаешься обо мне. Высокое дерево всегда первым принимает удар бури. Буду прилежно учиться и со временем получу ученую степень, большего мне пока не надо.

— Но ведь слава первооткрывателя достанется чужим людям. Юаньбао, ты точно не в обиде на отца? — Настроение у господина Ся явно улучшилось, и он ласково поддразнил сына.

Ся Чэнь шутиливо закатил глаза и фыркнул:

— Да я вообще-то нацелился на звание лучшего на императорском экзамене, чтобы мое имя выкликнули у ворот Дунхуамэнь! Зачем мне переживать из-за такой мелочи?

По совести говоря, если кому и полагались лавры, так это Ся Тунбаню. Сам Ся Чэнь лишь поливал грядки. Решение отца было единственно верным: передать семена государству — только так можно принести пользу людям. А то, что их теперь прикрывает могущественный генерал Фу, гарантировало щедрые награды при полном отсутствии риска.

— Какой же ты у меня умница, Юаньбао, — расплылся в улыбке господин Ся, чрезвычайно довольный пониманием младшего сына. Напоследок он решил раскрыть все карты: — Генерал Фу всегда отличался справедливостью и никогда не присваивал чужих заслуг. Раз уж твой отец проявил скромность и отказался от пустой славы, генерал найдет способ щедро отблагодарить нашу семью по-другому.

Ся Чэнь невольно проникся глубоким уважением к этому военачальнику. Если заглянуть на тысячу лет вперед, генерал Фу наверняка займет достойное место на страницах исторических хроник.

Вскоре после отъезда гонцов из Генеральского поместья в деревню прибыл новый отряд. На этот раз во главе стоял важный столичный чиновник, перед которым уездный судья подобострастно лебезил, боясь поднять глаза.

Прибывшие без лишних церемоний направились к угодьям Ся. Они скосили весь созревший рис подчистую, тщательно собрав даже упавшие на землю колоски, загрузили мешки на телеги и в тот же день увезли все без остатка.

Спустя несколько дней уездный судья лично доставил в дом Ся почетную вывеску с надписью «Благочестивое семейство». К ней прилагались рулоны дорогой ткани, запасы риса, муки, сушеных фруктов и сто ланов чистого серебра.

Не прошло и года с тех пор, как во дворе Ся появилась эта вывеска, как из Императорской столицы пришла весть, вмиг разлетевшаяся по всей стране. На воротах всех городов расклеили указы, суть которых сводилась к следующему:

Нынешний Сын Неба правит мудро, почитает предков и печется о благе подданных. Небесный Владыка в награду ниспослал ему чудесные семена, способные повысить урожайность риса более чем на одну пятую часть. Вскоре чиновники займутся повсеместным распределением этого зерна среди простого люда.

Одновременно с этими новостями в деревню Цинхэ вновь пожаловали люди из Генеральского поместья. Они пригнали несколько тяжело нагруженных подвод, а уезжая, оставили в доме Ся двух дюжих охранников.

В день их приезда отец позвал Ся Чэня на серьезный разговор. Он спросил, не хочет ли тот переехать в Императорскую столицу. Генерал пообещал устроить юношу в лучшую академию столицы, а если тот проявит усердие, то со временем сможет поступить даже в престижную академию Гоцзыцзянь.

Ся Чэнь долго сидел ошарашенный. Похоже, ему на роду было написано выезжать за счет отцовских заслуг. Начинал как скромный сын деревенского землевладельца, а теперь его готовы устроить в элитное учебное заведение страны!

В конце концов Ся Чэнь вежливо отказался. Вернувшись в свою комнату, он решил облегчить душу перед Системой:

— Я все время твержу о звании первого ученика империи, но если подумать, амбиций у меня кот наплакал. На государственной службе шаг влево, шаг вправо — и всю твою семью вырежут до девятого колена. Мне вполне хватит звания сюцяя, в крайнем случае — цзюйжэня. Этого достаточно, чтобы защитить близких от произвола местных чинуш и избавить наши поля от налогов. А потом я мог бы открыть свою школу, прямо как наставник Мэн. Набрать ребятшек, позвать Цзыцзяня помогать мне. Будем учить детей вместе. В хорошие дни — рассказывать им сказки, а если кто испортит настроение — заваливать горой домашней работы...

[Вероятность осуществления данного сценария значительно выше, нежели шансы пользователя сдать экзамен на звание первого ученика империи. Поздравляем пользователя с успешным самопознанием и переходом на путь прагматизма.]

Ся Чэнь промолчал.

«И зачем я только перед тобой распинаюсь? Бездушная ты железка».

Оставшихся воинов звали Ван У и Лю Сы. Оба состояли в личной гвардии полководца. Их прислали сюда для защиты: те, кому положено, прекрасно знали, откуда взялись чудо-семена. Присутствие гвардейцев в доме Ся наглядно демонстрировало всем окрестным чинушам, что семья отныне находится под личным покровительством генерала Фу.

Мужчины быстро освоились, делили с хозяевами кров и пищу. Господин Ся распорядился, чтобы домашние относились к ним уважительно, как к старшим родственникам, поэтому Ся Чэнь звал их дядей Ваном и дядей Лю.

Оба воина с малых лет изнуряли себя тренировками и, даже поселившись в глуши, не пропускали ни дня занятий. Ся Чэнь почти всё время проводил на учебе, поэтому редко заставлял их тренировки, а вот у Дун-гэера и Нань-гэера при виде грозных бойцов загорались глаза. Стоило тем начать разминку, как сорванцы тут же прятались неподалеку и подсматривали, а позже тайком размахивали кулаками, пытаясь повторить их движения.

Разумеется, домашние прекрасно знали о проделках малышей. В конце концов господин Ся

побеседовал с Ван У и Лю Сы и попросил их обучить внуков основам ратного дела. Ему не нужны были великие мастера, хватало и базовой подготовки. Сам старик Ся, хоть и прошел суровую школу войны, умел лишь калечить и убивать — такие приемы никак не годились для маленьких детей.

Все равно по этим сорванцам было видно, что великими учеными им не стать. Пусть лучше овладеют полезным навыком, который поможет им крепко стоять на ногах в будущем, а если и не пригодится — так хоть здоровье укрепят.

Гвардейцы, видимо, получившие перед отправкой особые указания от генерала, соглашались на любые просьбы старого ветерана. Так дети начали свои тренировки. Ся Чэнь ради любопытства тоже попробовал позаниматься пару дней, но неизменно плелся в самом хвосте, после чего с кряхтением валился на кровать, жалуясь на жуткую ломоту в теле. После этого он окончательно признал, что путь воина не для него, а вот книги — в самый раз.

К удивлению домашних, прилежный Дун-гээр не обладал особыми способностями. Зато маленький обжора Нань-гээр неожиданно удостоился похвалы от суровых наставников — те в один голос утверждали, что у мальчика редкий талант к боевым искусствам, и даже заговорили о том, чтобы взять его в ученики.

Услышав это, Нань-гээр испуганно взвыл и разрыдался. Ведь он увязался за старшим братом только потому, что Дун-гээр наплел ему, будто воины показывают приемы самого Сунь Укуна. Лишь детская любовь к Царю Обезьян помогала мальчишке терпеть эти пытки так долго.

Когда Ся Чэнь сдался, Нань-гээр тоже хотел бросить тренировки. Нагрузки были невыносимыми — одна стойка всадника лишала сил за считанные минуты. Если бы Дун-гээр не подкупал его своими заготовками сладостей и любимыми игрушками, сорванец давно бы сбежал.

И теперь эти грозные наставники собрались сделать его своим преемником? Вспомнив их жуткие рассказы о том, как они в детстве закаляли тела и тренировались до седьмого пота, Нань-гээр насмерть перепугался. С ревом подбежав к Ся Чэню, он намертво вцепился в его ногу:

— Дядюшка, я хочу учиться! Я хочу читать книги! Не заставляй меня тренироваться!

Ся Чэнь лишь безмолвно смотрел на племянника.

«Где-то я это уже видел...»